

История

Научная статья
УДК 94(571.5)
EDN: TWKXXZ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-4-95-107>

**«Значение ссылочного места отнюдь не может быть главным»:
Г.С. Батеньков о политике государства в отношении Сибири**

С.И. Гольдфарб, А.А. Иванов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Имя Гавриила Степановича Батенькова, как правило, связывают с движением декабристов: и действительно, формально не входя ни в одно из тайных обществ, он, тем не менее разделял многие убеждения «дворянских революционеров», был посвящен в их заговор и планы последующей демократизации России. Коренной сибиряк, Г.С. Батеньков родился в Тобольске в многодетной семье отставного обер-офицера, участвовал в войне с Наполеоном, был неоднократно ранен. В 1815 г. он вышел в отставку, а в 1816 г. был зачислен поручиком в корпус инженеров путей сообщения с назначением в родной город, где вскоре возглавил 10-й сибирский округ путей сообщения. Статья посвящена историческим взглядам Г.С. Батенькова на прошлое Сибири XVII–XIX веков. Батеньков не был профессиональным историком, но, будучи привлечен М.М. Сперанским к составлению законов, получивших название «Сибирского учреждения», он активно занялся изучением прошлого обширного региона – историей заселения и освоения территории, вопросами самоуправления и культуры коренных народов, результатами влияния «штрафной колонизации» на социально-экономическое и культурное развитие края. Являясь сторонником конституционной монархии и отмены крепостного права в России, Г.С. Батеньков резко критиковал чиновничий произвол, бесправное положение крестьян, выступал против представлений о Сибири как о «ссылочном месте» для преступников, собираемых сюда со всей страны. Подготовленные им Устав о ссыльных и Устав об этапах в губерниях сибирских, как и другие документы «Сибирского учреждения», – убедительное доказательство не только высоких профессиональных знаний в области пенитенциарной теории и практики, но, и в не меньшей мере, свидетельство желания Батенькова, как настоящего патриота Сибири, уменьшить негативное влияние каторги на местное население, стремления навести надлежащий порядок в организации сибирской уголовной ссылки.

Ключевые слова: декабрист Г.С. Батеньков, реформы М.М. Сперанского, Уставы о ссыльных и этапах, каторга, Московско-Сибирский тракт, Иркутская губерния, XIX век, «штрафная колонизация» Сибири, восстание декабристов, начало сибирской статистики

Для цитирования: Гольдфарб С.И., Иванов А.А. «Значение ссылочного места отнюдь не может быть главным»: Г.С. Батеньков о политике государства в отношении Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 95–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-95-107. EDN: TWKXXZ.

History

Original article

**“The importance of the exile place cannot be the main thing”:
G.S. Batenkov on the state policy towards Siberia**

Stanislav I. Goldfarb, Alexander A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The name of Gavriil Stepanovich Batenkov is usually associated with the Decembrist movement: indeed, while not formally a member of any of the secret societies, he nevertheless shared many of the beliefs of the “noble revolutionaries”, was initiated into their conspiracy and plans for the subsequent democratization of Russia. A native Siberian, G.S. Batenkov was born in Tobolsk in a large family of a retired senior officer, participated in the War with Napoleon, and was wounded several times. In 1815 he retired, and in 1816 he was enlisted as a lieutenant in the Corps of Transportation Engineers with an appointment to his

hometown, where he soon headed the 10th Siberian railway district. The article is devoted to the historical views of G.S. Batenkov on the past of Siberia in the 17th - 19th centuries. Batenkov was not a professional historian, but, having been attracted by M.M. Speransky to draft the laws that became known as the "Siberian Institution", he actively began studying the past of the vast region - the history of settlement and development of the territory, issues of self-government and culture of indigenous peoples, the results of the influence of "penal colonization" on the socio-economic and cultural development of the region. Being a supporter of constitutional monarchy and the abolition of serfdom in Russia, G.S. Batenkov sharply criticized the tyranny of officials, the disenfranchised status of peasants, and spoke out against the idea of Siberia as just a "place of exile" for criminals gathered here from all over the country. The Charter on Exiles and the Charter on Stages in Siberian Provinces prepared by him, as well as other documents of the "Siberian Institution", are convincing proof not only of his high professional knowledge in the field of penitentiary theory and practice, but also, to no lesser extent, evidence of Batenkov's desire, as a true patriot of Siberia, to reduce the negative impact of penal servitude on the local population, and his desire to establish proper order in the organization of Siberian criminal exile.

Keywords: Decembrist G.S. Batenkov, reforms of M.M. Speransky, Charters on exiles and stages, penal servitude, Moscow-Siberian highway, Irkutsk province, 19th century, «penal colonization» of Siberia, Decembrist uprising, beginning of Siberian statistics

For citation: Goldfarb S.I., Ivanov A.A. (2024) "The importance of the exile place cannot be the main thing": G.S. Batenkov on the state policy towards Siberia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 95-107. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-95-107. EDN: TWKXXZ.

Творчество декабриста Г.С. Батенькова всегда привлекало внимание исследователей-историков. В советский период наиболее интересной публикацией о нем следует считать книгу В.Г. Карцова, изданную в 1965 г. в Новосибирске. Автор сумел создать весьма подробный политический портрет своего героя, показать его вклад в подготовку сибирских реформ 1822 года, уделить внимание непростым взаимоотношениям Батенькова с М.М. Сперанским, а затем и Аракчеевым (Карцов, 1965).

В.Г. Карцов основательно проработал рукописи Батенькова, хранящиеся в фондах Российской государственной библиотеки и, пожалуй, первым ввел их в широкий научный оборот. В частности, речь идет о неопубликованной статье Батенькова «О ссылке и ссыльных» (Томск, 1851 г.), основные положения которой автор не только цитирует на страницах своей книги, но и подвергает научной критике, называя их «пылкими мечтаниями» автора, которому «приходилось идти вперед, но со связанными ногами» (Карцов, 1965. С. 86–88).

Монография В.Г. Карцова, несмотря на устаревший методологический марксистско-ленинский инструментарий, по-нашему мнению, и сегодня представляет значительный научный интерес как «рядовому» читателю, так и профессиональному ученому, исследующему проблемы социально-экономической истории Сибири XIX в. Отметим, что автор здесь

значительно расширил предмет своего изучения. Помимо исследования творческого портрета Батенькова, в книге есть большая и полная интересных сведений глава о роли штрафной колонизации в заселении и экономическом развитии Сибири, а также параграфы, содержащие оригинальные оценочные суждения о двух выдающихся государственных деятелях России первой половины XIX в. М.М. Сперанском и А.А. Аракчееве. При этом Карцов подробно разбирает характеристики Батенькова и тому, и другому (Карцов, 1965. С. 106–108).

Высоко оценивая труд В.Г. Карцова, нельзя согласиться, тем не менее с его выводом о том, что Уставы о ссыльных и об этапах, разработанные Батеньковым под руководством М.М. Сперанского в 1819–1821 гг., «никаких коренных преобразований в систему царской ссылки внести не могли и не вносили, хотя и сыграли какую-то положительную роль». Это, на наш взгляд, – слишком категоричное заключение, тем более что затем автор приводит примеры позитивного воздействия Устава о ссылке на организацию пенитенциарной политики и практики Российского государства в Сибири XIX в., явно противореча самому себе (Карцов, 1965. С. 88).

В постсоветский период научное наследие Г.С. Батенькова активно изучает В.Д. Юшковский. Так, в статье «Истоки толерантности в Российском обществе: Г.С. Батеньков и его «Нравственный закон», Юшковский обращает внимание на

принципы совместного творчества Батенькова и Сперанского: «Нельзя забывать, – пишет автор, – что над проектом законодательных сибирских реформ Г.С. Батеньков работал под руководством столь опытного администратора и правоведа, как М.М. Сперанский. И если дух преобразований, их новизна и «живое творческое начало» формировались под воздействием либеральных установок будущего декабриста, то влиянию «первого законотворца» следует по праву отнести «юридическую безукоризненность Устава» и некоторых других документов 1822 года, предопределившую неизменно долгую их жизнь»¹.

По мысли В.Д. Юшковского, в Уставе о ссыльных хорошо просматривается у Батенькова, прежде всего, «доброе отношение к людям», пусть даже и преступившим закон. «Исправить человека наказанием нельзя, – подчеркивает он мысль Батенькова, – «ведь зло порождает зло»: глядя на преступника, «нужно верить в способность человека к нравственному возрождению». Батеньков считал ссыльных «случайно впадшими в преступление, которые видели его последствия, понесли за него наказание» и раскаялись, а если вновь «становились злодеями», то были «в этом повинны не столько они сами, сколько господствующая система ссылки, которая «бросила их в грязное общество»². Конечно, здесь Г.С. Батеньков предстает перед нами не столько гуманистом, сколько идеалистом, романтиком, пытавшимся понять и объяснить природу преступности.

Проанализировав многогранную деятельность Г.С. Батенькова по подготовке сибирского законодательства, В.Д. Юшковский в обширном вступлении к сборнику сочинений и писем декабриста (Юшковский, 2015) указывает, что наследие Батенькова позволяет отвести ему особое место в истории общественной мысли

России. По оценке ученого, труды декабриста заставляют говорить о нем как о глубоком мыслителе, опередившим свой век по многим параметрам. И это не мешало ему ощущать связь с современностью, разбираться в социальных проблемах и участвовать в их разрешении. Батеньков был творением эпохи, – заключает автор, – ее продуктом – и в то же время человеком грядущего: типичное и необычное, сиюминутное и вневременное проявлялось в нем с удивительной силой и находило выражение в заметках и письмах. А также, добавим от авторов уже данной публикации: в крупных статьях Батенькова о прошлом и настоящем Сибири (Юшковский, 2015. С. 83–84).

В советской и постсоветской историографии Г.С. Батеньков исследовался, прежде всего, как «ученик» или «помощник» М.М. Сперанского, «сибиряк», знающий историческое прошлое Сибири и понимающий ее современные нужды. Именно с этих позиций пишут о Г.С. Батенькове Л.М. и И.Л. Дамешки: «В это же время Сперанский приступил к более важному, нежели ревизия, делу – разработке проектов сибирских преобразований. Большинство из них обдумывал и писал сам реформатор, однако за нехваткой времени и отсутствием «наклонности заниматься подробностями», часть дела поручал Г.С. Батенькову (сюда входили сбор сведений и предварительные наброски проектов преобразований). По словам самого реформатора, он не мог обойтись без Батенькова, как «мастер без ученика»» (Дамешек, Дамешек, 2016. С. 21).

Историко-правовые особенности «Сибирского учреждения» в 1980-х годах исследовал С.В. Кодан. Ученый подчеркивал исключительный характер законодательных актов Сперанского, а также и то, что они занимают «своеобразное место» в отечественной науке. «Это, пожалуй, единственный пример в истории русского законодательства первой половины XIX века, – пишет Кодан, – когда изучение состояния дел и законодательной практики проводилось непосредственно на территории будущих преобразований, а не в центральных государственных органах» (Кодан, 1988. С. 115).

Рассматривает С.В. Кодан и законодательную «черновую работу» Г.С. Батенькова в ходе

¹ Юшковский В.Д. Истоки толерантности в российском обществе: Г.С. Батеньков и его «нравственный закон». Томск, 2011а. 7 с. // <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1124/> (дата обращения 23.10.2024 г.).

² Юшковский В.Д. Союз теоретика и практика: (к вопросу о «новом взгляде на Сибирь» М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова). Томск, 2011б. 7 с. // <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1130/> (дата обращения 23.10.2024 г.).

подготовки Сибирских реформ 1822 г. При этом автор обращает особое внимание на то, что Батеньков поддерживал свободное переселение крестьян в Сибирь с предоставлением земли, «а ссылке отводил вспомогательную роль в формировании населения через отбытие» преступниками наказания и переход в крестьяне. При этом, – по мысли Кодана, – ни Сперанский, ни Батеньков не усматривали «в увеличении числа ссыльных усиления карательной политики самодержавия против массового освободительного движения», что, видимо, следует считать их недоработкой (Кодан, 1984. С. 17). В другой своей статье С.В. Кодан специально, пусть и коротко, рассмотрел основные положения Устава об этапах 1822 г. (Кодан, 1982).

Как видим, деятельность Г.С. Батенькова как «ученика» М.М. Сперанского и «помощника» при составлении «Сибирского учреждения» уже получила отражение в отечественной историографии. Несмотря на это научные представления будущего декабриста о сибирской ссылке, и в первую очередь, об этапах сибирских, рассмотрены все еще фрагментарно и нуждаются в дальнейшем анализе. Настоящая статья и призвана, хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Г.С. Батеньков – единственный среди декабристов уроженец Сибири. В 1816 г., сдав соответствующий экзамен, Батеньков был зачислен поручиком в корпус инженеров путей сообщения с назначением местом службы города Тобольска. В мае 1819 г. в Тобольск приехал с ревизией М.М. Сперанский. Ожидая встречи со Сперанским, Батеньков подготовил «Записку о состоянии X округа путей сообщений», в которой вместо радужной картины состояния округа и своей весомой роли в этом, охарактеризовал положение дел «как есть», без всяких прикрас, указав, что округ не выполняет и не может выполнить возложенных на него обязанностей в силу отсутствия финансирования, кадров и регламентирующих документов (Брегман, 1989. С. 4, 16).

«Записка...» была замечена М.М. Сперанским. Документ лучше всяких слов свидетельствовал, во-первых, о равнодушии автора к судьбе Сибири, во-вторых, о знании и понимании этой темы, в-третьих, о незаурядных аналитических способностях составителя. Добавим к этому – и о здоровом

честолюбии Г.С. Батенькова, искавшего знакомства со Сперанским для собственного карьерного роста. Вообще, и у Сперанского, и у Батенькова эта черта – честолюбие, стремление быть первым и лучшим, были схожими, как схожим было и представление о будущем Сибири. Схожим, отметим, но далеко не одинаковым. Оба исповедовали либеральные взгляды на государство и общество, однако восприятие и отношение к Сибири у них было различным. Будучи назначен в Сибирь, М.М. Сперанский рассчитывал достаточно быстро и с триумфом возвратиться в Санкт-Петербург. Должность генерал-губернатора особых восторгов у него не вызывала, пребывание в крае он рассматривал, как «почётную ссылку», позволявшую вновь заслужить милость и расположение императора. Предубеждение сохранялось и в дальнейшем, уже в самой Сибири. «Сибирь, есть просто Сибирь, – отмечал М.М. Сперанский в письме к дочери, – то есть: «прекрасное место для ссылочных, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии; но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности, твердой, основанной на хлебопашестве...» (Письма М.М. Сперанского..., 1868. Стб. 1684–1685).

Выделив Г.С. Батенькова из группы местных чиновников, Сперанский предложил ему сопровождать его дальше на восток, в глубь Сибири и помогать в составлении свода специальных законов о социально-экономическом развитии региона. Главная особенность свода состояла в том, что будущие законы должны были учитывать специфику сибирского края – географию, климат, положение по отношению к метрополии, сложившиеся хозяйственные связи, а также – особенности народов ее населяющих. Пожалуй, впервые региональные законодательные акты составлялись не в Петербурге, а на месте, в Сибири.

Г.С. Батеньков, думается, с большой охотой принял предложение Сперанского и до конца своих дней был благодарен своему патрону. Вот как описывал Батеньков много лет спустя события тех дней: «Готовя мой рапорт о системе сообщений в Сибири, я переписывал его несколько раз и кончил уже по необходимости. Когда Сперанский приехал в Тобольск, всякая встреча была отказана, рапорты послали мы в пакетах и должны были явиться на

другой день. Застенчивость моя обратилась в совершенное замешательство, когда по дороге городничий объявил мне, что солдат моей команды напился пьян и упал против дома генерал-губернатора. ... Он [Сперанский. – *Авт.*], однако же, ... вероятно, быв доволен моим рапортом, обласкал меня и убеждал ехать с собою. Сие меня радовало и пугало...» (Батеньков, 2015а. С. 119).

Создание сибирских законов требовало, прежде всего, хорошего знания истории края. На этот счет в распоряжении Батенькова были бумаги канцелярии губернатора Н.И. Трескина, но этих сведений оказалось ничтожно мало. Нужна была подлинная программа по сбору и систематизации имеющихся источников. С этой целью Батеньковым была создана особая «рабочая группа», независимая ни от канцелярии М.М. Сперанского, ни от канцелярии Н.И. Трескина, которая под его руководством обязала бы местные власти составлять подробные отчеты об управлении краем, а также собирала бы конкретные исторические сведения о прошлом региона, кропотливо сводя полученные цифры в статистические таблицы. В рукописном фонде Российской государственной библиотеки в фонде № 20 сохранились разработанные самим Г.С. Батеньковым, писанные его рукой 24 различные формы таблиц, предназначенных для обработки и обобщения сведений о земских повинностях в Сибири. Статистические таблицы Батенькова характеризуют состав русского и коренного населения края, состояние сельского хозяйства и промышленности Нерчинского и Колывано-Воскресенского заводов, соляных промыслов, дают сведения о каторге и ссылке, развитии здравоохранения и общественного призрения – и все это в сравнительной динамике за несколько десятилетий. Учитывая отличную организацию и системный подход, с которыми работала комиссия, собирая разнообразные сведения о местной действительности, будет вполне обоснованным посчитать Батенькова одним из первых организаторов дела сибирской статистики. Разработанные им формы вводили в официальную отчетность единообразие и на долгое время стали основой количественных сведений о Сибири (Карцов, 1965. С. 62).

В Иркутске, выполняя указание М.М. Сперанского, Г.С. Батеньков, обработав разнообразные статистические материалы, архивные

документы и некоторую литературу о губерниях сибирских, подготовил, как он сам указывал впоследствии, «первоначальные очерки в виде научных обозрений по семи предметам»: о сухопутных сообщениях, об этапах, о ссыльных, об инородцах, о сибирских казаках, о занятии Киргизской степи и о приведении в известность земель в Сибири. Эти наброски, или черновики, подробно обсуждались со Сперанским и членами рабочей группы, туда вносились уточнения и изменения. При этом проекты Батенькова в результате споров с «учителем» заметно правили, в них выхолащивался сам «дух» сибирского самоуправления (Карцов, 1965. С. 87).

«Мелодраматической» назвал однажды М.М. Сперанский одну из статей Батенькова в планируемом Уставе о ссыльных (Карцов, 1965. С. 86). И это не только шутка: в этом эпизоде проявилась принципиальная разница между учителем и учеником: если Г.С. Батеньков подходил к планируемым реформам как сибиряк, стремившийся облегчить положение сибирских жителей, то М.М. Сперанский оценивал сибирские законы с точки зрения общеимперских интересов, что придавало его позиции более умеренный и консервативный характер. Да и Иркутск, как и вся Сибирь, по-видимому, не нравился Сперанскому: «Третьего дня принимал духовенство, – пишет он дочери, – ... вчера обедали чиновники; сегодня купечество. Я устал жить в непрестанных ябедах, следствиях и обвинениях; слава Богу они кончились и готовясь оставить Иркутск, я хочу оставить его с приятнью...» (Письма М.М. Сперанского..., 1868. Стб. 1745).

Работа над составлением «Сибирского учреждения» продолжалась уже в Тобольске, в сентябре 1820 – январе 1821 года и завершилась в феврале, когда Г.С. Батеньков вслед за М.М. Сперанским выехал в Петербург. В столице он был замечен и обласкан, на его деятельность по подготовке сибирских реформ обратили внимание, в июне 1821 г. Батеньков был произведен в майоры. Летом 1822 г. «Сибирское учреждение» было опубликовано – от предложений о выборном начале как основе самоуправления Сибири, о сокращении влияния чиновников на сибирских жителей, которые продвигал Гавриил Степанович, осталось немного. Но и те положения, которые были напечатаны в неизменном виде, можно с полным основанием признать новаторскими.

На наш взгляд, наиболее целостное восприятие Г.С. Батеньковым Сибири и ее прошлого проявилось даже не в Уставе об инородцах, а в Уставах о ссыльных и этапах, ведь именно ссылка, как совершенно верно писал Н.М. Ядринцев, «давно приносит не столько пользы, сколько вреда Сибири». При этом без отмены или существенного сокращения ссылки не могли быть проводимы в крайние социальные и экономические преобразования (Ядринцев, 1892. С. 243).

Работая над Уставом о ссылке, Г.С. Батеньков стремится как можно глубже вникнуть в особенности пенитенциарной политики государства в Сибири. В большой статье «Общий взгляд на Сибирь», впервые опубликованной в 1823 г. в «Сыне Отечества», он дает весьма содержательный экскурс в историю края XVI–XVII веков, указывая, что новые территории заселялись как путем народной колонизации, так и посредством штрафной, т. е. принудительной отправки за Урал тысяч и тысяч жителей из центра страны. Рост крепостничества гнал в Сибирь массу крестьянского люда, заставлял осваивать новые территории. Батеньков совершенно справедливо полагает, что поначалу ссылка не знала системы, но со времени Петра, стала приобретать более регулярный характер. Особую роль при этом, по его мнению, сыграли указы 1760-х годов о ссылке в Сибирь на поселение неугодных помещичьих крестьян в зачет рекрут. Г.С. Батеньков одним из первых исследует это явление и даже выводит цифру сосланных – более 40 000 душ (Карцов, 1965. С. 80). Следует сказать, что подсчеты Батенькова носят подлинно научный характер и близки к показателям советских исследователей: так, например, по данным А.Д. Колесникова, с 1761 по 1782 гг. в сибирский регион, по «рекрутским указам», было отправлено не менее 35 тыс. мужских душ (Колесников, 1973. С. 354). Количественные показатели ссылки неуклонно расширялись, и в XIX в. Сибирь, по данным А.Д. Марголиса, приняла уже более 635 тыс. ссыльных (Марголис, 1995. С. 30).

Значительный и практически неконтролируемый приток ссыльных в Сибирь обрек Устав 1822 г. на быстрое устаревание. Вместо отмены власти взяли курс на его дополнение, заменяя статьи, несоответствующие действительности. Общее число разделов же росло. Так, в «батеньковском»

Уставе 1822 г. имелось 435 статей³. В следующей редакции Устав о ссыльных был издан в 1857 г. и содержал уже 914 статей⁴. Со временем часть параграфов, естественно, устарели и пришли в противоречие с реальной действительностью, поэтому в редакции 1909 г. осталось лишь 280 статей⁵.

Несмотря на недостатки, Устав о ссыльных имел глубоко позитивное значение для судеб десятков тысяч «невольных гостей» Сибири. Документ, подготовленный Г.С. Батеньковым, дал ссыльным, прежде всего, правовой статус: например, узаконенный так называемый «статейный список», стал своеобразным паспортом ссыльного, где стали указывать его имя, откуда и куда он следует, за что наказан, идет ли с семьей и многие другие, необходимые для идентификации, сведения. Важно подчеркнуть, что Устав о ссыльных строго-настрого запрещал местным сибирским властям распоряжаться судьбой арестанта по своему выбору и усмотрению, что до его принятия было распространено повсеместно.

Устав о ссыльных содержал и немало трудно-осуществимых в действительности положений, но нельзя не признать его своевременный и в целом, безусловно, позитивный характер. Отвечая на критику Устава, Батеньков значительно позже в «Повести собственной жизни» писал потенциальным оппонентам: «Очевидно, что учреждение сие имело неоспоримую стройность и через то стало явным, способным к обозрению наукой в достоинствах его и недостатках, представляя и для критики сравнительное обозрение. <...> Посему за неуспех нельзя винить лично Сперанского. Он успел, однако же, высказать много добрых начал и оставил нам очерки великого здания, которыми наука воспользоваться может. Но он же первый открыл дверь к бесчисленным перестройкам, которые предпри-

³ Высочайше утвержденный Устав о ссыльных // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXVIII. № 29.128. СПб., 1830. С. 433–469.

⁴ Высочайше утвержденный Устав об этапах в сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXVIII. № 29.129. СПб., 1830. С. 469–486.

⁵ Устав о ссыльных (по изданию 1909 года) с разъяснениями Правительствующего Сената с алфавитным и предметным указателем и с приложением из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л.И. Марколла. Изд. 2-е. Иркутск, 1911. 173 с.

нимать всем показалось весьма легким» (Батеньков, 2015b. С. 113).

«Устав о ссыльных» законодательно обеспечивал общие принципы, полномочия и характер работы органов управления ссылкой, а § 1 определил содержание этого наказания, что следует признать большим шагом вперед: «Ссылка в Сибирь есть двоякая: 1) в каторжную работу; 2) на поселение. Та и другая определяются не иначе, как приговором судебных мест»⁶. По мнению Л.М. Дамешека, И.Л. Дамешек и Т.А. Перцевой, Уставы о ссыльных и этапах «явились первыми кодексами сибирской ссылки» ... и выделили ее «в особый институт полицейского права» (Дамешек, Дамешек, Перцева, 2017. С. 162). Однако, как было уже замечено, Устав о ссыльных 1822 г. достаточно полно исследован в исторической и юридической литературе. А вот Устав об этапах в губерниях сибирских – изучен пока фрагментарно, поэтому остановимся на некоторых его положениях подробнее.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что Устав об этапах – совершенно оригинальный правовой документ. При его составлении Г.С. Батеньков не имел возможности хотя бы частично использовать подобный законотворческий европейский опыт: ни одно государство не располагало «своими» «ссылочными территориями», а высылало преступников в дальние колонии, отстоящие от метрополий на тысячи верст. И.Я. Фойницкий, правда, упоминает о насильственной депортации преступников в Риме в отдаленные местности страны, однако это наказание не носило там массового характера (Фойницкий, 1881. С. 4). Тем значительнее выглядит вклад Г.С. Батенькова в разработку этого документа.

Собственно сам ссыльный этап на Московско-Сибирском тракте представлял собой временную придорожную тюрьму. За высоким забором («паллями») располагалось несколько деревянных построек с помещениями для чинов конвоя, его начальника, с большими камерами для арестантов-мужчин и меньшими камерами для женщин и детей, следовавших за осужденными. Камеры разде-

лялись коридором, в конце которого находилась кухня, оснащенная котлом. На окнах крепкие железные решетки, камеры запирались на ночь, составлялся караул (Гарашенко, Иванов, 2024. С. 246).

Устав об этапах 1822 г. состоял из 199 статей. Это – сравнительное небольшое число положений, однако следует иметь в виду, что в Уставе о ссыльных значительное число параграфов также посвящены этапам и сопровождению арестантов по Московскому тракту. Иногда эти положения объединены в специальные главы или разделы, носящие характерные названия: «Отправление в ссылку», «Препровождение ссыльных», «Движение партий», «Обязанности препровождающей стражи» и т. д. Все это – свидетельство понимания авторами-составителями исключительной важности хорошо организованной системы этапных пунктов для тысяч и тысяч людей на огромном Московско-Сибирском тракте. При этом надо признать, что некоторый опыт организации принудительного перемещения больших групп людей на дальние расстояния у государства все же был – достаточно вспомнить вывоз из польских земель в Забайкалье старообрядцев в 1760-е годы, однако тогда этапы все же не создавались (Пилсудский, 2023. С. 14).

Прежде всего, значительное место в Уставе об этапах Г.С. Батеньков уделил «кадровому вопросу», стремясь к тому, чтобы эти «дорожные тюрьмы», как называли этапы современники, были действительно обеспечены дееспособными, хорошо обученными и сполна укомплектованными служащими. Учитывая специфику Сибири, с ее хронической нехваткой подготовленных к службе чинов любого ведомства, это вполне закономерно и свидетельствует о понимании Батеньковым важности решения кадрового вопроса. Уже во Введении подчеркивается, что Устав об этапах определяет состав этапных команд, их права и в большей мере обязанности, порядок отправления и следования препровождаемых ими партий, подчиненность военнослужащих, их подвластность своему и опосредованному начальству, а также, что немало важно, предусмотренные им награды и льготы за безупречную службу⁷.

⁶ Высочайше утвержденный Устав о ссыльных // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29.128. С. 433.

⁷ Высочайше утвержденный Устав об этапах в сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29.129. С. 469.

Так, в соответствии с § 7 Устава, на каждый сибирский этап выделялась этапная команда из 1 офицера, 2 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 25 пеших солдат и нескольких приданных конных казаков. Офицерам разрешалось отбирать нестроевых нижних чинов – «невидных по фрунтовой службе, но отнюдь не вовсе изувеченных, или почему-либо неспособных носить ружье». Рекомендовалось набирать преимущественно семейных, не вчерашних рекрут, а имеющих хотя бы двухгодичный опыт батальонной службы. При этом «по возможности» на этап принимались лица, относившиеся «к местам прежнего жительства», т. е. уроженцы этих мест (§ 18, § 19)⁸.

Таким образом, Г.С. Батеньков предлагает набирать конвойные команды в основном из семейных сибиряков. Преимущества такого набора очевидны: «обремененные» семьей конвоиры, «приживаются» на этапе на много лучше холостых, при этом они прекрасно знают специфику службы на сибирской окраине и пускают здесь прочные корни, обзаводясь, как правило, многочисленным потомством. На закрепление постоянных кадров этапных служащих были направлены, к примеру, параграфы главы № 8, недвусмысленно названной авторами «Пособия от земли». Так, § 135-й предусматривал «военнослужителям, не имеющим собственных домов», отведение «обывательских квартир», куда «доставляется отопливание и освещение». § 138-й устанавливал правило, по которому офицер этапа имел право пользоваться «лучшей квартирой», но не должен был требовать «какого-либо отличного» для себя «строения». Если же этап находился в малолюдной местности, то для расквартирования команды следовало построить «на счет земских повинностей» особые казармы, которые, как и «тюремные строения» команда должна была содержать «в возможной чистоте и порядке»⁹.

Кадровому обеспечению этапов на Московско-Сибирском тракте была посвящена и последняя тринадцатая глава. § 190-й, к примеру, запрещал перевод нижних чинов с одного конкретного места службы на другой, если на то не имелось «собственного их желания» или «просьбы». Глава

также предусматривала отведение каждому этапу «для хозяйства его по удобности вблизи селения из свободных земель достаточных участков», на которых они могли иметь покосы и пашни». В самих же селениях нижним чинам разрешалось «строить свои собственные дома». § 195-й разрешал солдатам, служившим на этапе и устроившим на нем «домообзаводство», требовать по увольнении от службы «отвода собственного себе участка из казенных земель» для того, чтобы «навсегда тут водвориться»¹⁰.

Тщательно изучив «ссылный вопрос», Г.С. Батеньков пришел к заключению, о том, что одной из причин неэффективности «штрафной колонизации» Сибири XVIII – начала XIX века, следует считать ничтожное количество женщин среди высылаемых преступников. Отсутствие семейных ссыльных давало огромное количество беглых и бродяг, наносящих значительный моральный и материальный вред сибирскому крестьянину. Батеньков стремится минимизировать негативное влияние от праздношатающихся и впавших в «крайнюю нищету, разврат и заразные болезни» бродяг, стараясь предусмотреть в Уставе отдельные параграфы, узаконившие бы меры борьбы с этим явлением.

Так, уже § 11 Устава предусматривал положение, согласно которому казаки, состоящие при этапных командах, «употреблялись» бы не только «по их назначению для конвоирования партий», но и для преследования беглых ссыльных и каторжных. При этом против беглого, который не сдаваясь конвойным, «угрожать будет», офицер или унтер-офицер этапа имеет полное право «употребить оружие». § 86-й вменял этапным командам в обязанность «прилагать старание» к задержанию преступников, «близ дороги укрывающихся». Затем § 88-й предписывал этапному начальнику, «известясь» о ворах или беглых, «появившихся где-либо в лесах и других закрытых местах», немедленно из команды, ему вверенной, нарядить вооруженный пикет для их преследования и поимки. Этот же начальник был также обязан незамедлительно известить о беглецах сельских старшин ближних деревень, земское начальство и «соседственных» этапных начальников. И все это следовало делать,

⁸ Там же. С. 470.

⁹ Там же. С. 478.

¹⁰ Там же. С. 481.

как гласил § 91, всеми «зависящими от них сред-ствами по крайней возможности»¹¹.

Конечно, в Уставе об этапах, как, впрочем, и в других законодательных актах «Сибирского учреждения», были и свои откровенно слабые места, без труда видимые нами с позиций сегодняшних исторических и правовых знаний. К их числу можно отнести, к примеру, положение § 32-го предусматривавшее, что «пересылка людей, по распределении в места, не на этапной дороге лежащие», возлагалась на инвалидов и казаков, в тех местах служащих, по распоряжению местного начальства¹².

На деле это требование выполнялось следующим образом: приходил этап в волостной городок, арестанты, следующие с большого тракта в глубь волости, оставались на попечении правления, а этап следовал дальше. Оставшиеся ссыльные под охраной казака отправлялись до ближайшего крупного села, а там передавались назначенным на эту повинность крестьянам, сопровождавшим их к месту непосредственного поселения. На деле на место водворения доходили, как правило, только семейные, для кого сельскохозяйственный труд был не в тягость. Холостые же ссыльные продавали свою казенную одежду и обувь, и пополняли отряды бродяг, тут же сбиваясь в шайки, занимаясь, кто разбоем, а кто воровством. Крестьяне относились к беглым («горбачам») крайне враждебно и нередко, выследив, прибегали к самосуду, или, в лучшем случае, выдавали бродяг полиции (Саломон, 1900. С. 262).

Или вот требование о неукоснительном соблюдении дисциплины арестантами во время движения этапа. Согласно § 47, во время следования партии, «строго сохраняется воинский порядок». Это означает, что «конвой следует в походном фрунте», в полном вооружении и «с боевыми снарядами». При этом ссыльных также необходимо вести «в порядке и отнюдь не позволять расходиться в стороны». Согласно § 48-го, ссыльный, выходящий из своего места во время движения, должен был быть непременно наказан «как ослушник» (а как это? – не уточнялось). С этапного

начальника «строжайше взыскано будет за самомалейшее упущение порядка» – гласил § 51-й¹³.

В действительности эти требования также не исполнялись. У арестантов с начальником конвоя всегда существовал нигде не прописываемый договор: «авторитетные» ссыльные обязывались не допускать побегов или самовольных остановок в пути, а офицер в ответ разрешал партии снять кандалы с тем, чтобы одеть их перед этапом или городом, а также просить подаяние по придорожным селам. Нередко этапная партия, конвойный офицер которой стремился чересчур рьяно выполнить положения Устава и не давал арестантам ни малейшего послабления, выходила из повиновения и грозила массовым побегом и при этом всегда добивалась своего. Подобный случай мастерски описан, к примеру, В.А. Обручевым «В старой Сибири» (Обручев, 1958. С. 188–189).

Опять же, как и в Уставе о ссыльных, в Уставе об этапах порой встречается излишняя детализация и регламентация как действий офицеров и солдат конвойных команд, так и прав и обязанностей самих арестантов. Вот, к примеру, § 119-й обязывал «земское начальство» наблюдать «за исправностью нанимаемых собственно для препровождения партий подвод» и «побуждать» к исправлению их своими подрядчиками. § 166-й оговаривал выдавать казакам фураж «каждому на две лошади и на круглый год», а § 54-й обязывал солдат иметь в своих ранцах двухдневный запас продовольствия. Или вот еще § 186-й: «В партионных списках о выздоровевших ссыльных как этапные офицеры, так и городничие, означают, к какой прежде [видимо, партии] они принадлежали, то есть означают номер ее списка»¹⁴.

Отмеченные недостатки не заслоняют главного – стремления Г.С. Батенькова, с одной стороны, минимизировать вред для населения Сибири от пребывания здесь тысяч уголовных ссыльных, среди которых были и особо опасные преступники – насильники, убийцы, грабители, с другой, облегчить участь самих арестантов, в чьих рядах, по мнению Батенькова, было немало и людей «случайных», попавших на этап в силу обстоятельств, по воле случая и т. д. В любом случае, автор Устава

¹¹ Там же. С. 476.

¹² Там же. С. 471.

¹³ Там же. С. 472.

¹⁴ Там же. С. 472, 478, 479.

совершенно справедливо полагал, что пеший этапный путь в далекую Сибирь, длившийся порой от полугода до полутора лет, был самым суровым испытанием для ссыльного, и без того ослабленного предварительным следствием и тюремным заключением.

События 14 декабря 1825 г. трагически изменили правотворческую деятельность Батенькова. Известно, что Гавриил Степанович формально не состоял ни в одном из обществ декабристов. Но принадлежал к ним душой и разумом, известны контакты его с К.Ф. Рылеевым, П.И. Пестелем, И.И. Пушным. По политическим убеждениям его можно отнести к умеренным декабристам типа Никиты Муравьева, что хорошо видно из содержания его записки, составленной в декабре 1825 г. (Батеньков, 2015с). Не участвовав в восстании, но узнав о намерении декабристов включить его и М.М. Сперанского в состав будущего верховного органа или временного правительства, Г.С. Батеньков, по мысли В.Д. Юшковского, «ощутил себя крупной самостоятельной фигурой (Юшковский, 2015. С. 31). Скорее всего, его захлестнуло ликование и чувство важности собственной персоны. Мы уже говорили о честолюбии Батенькова. Именно это чувство объясняет его поведение на следствии – он неожиданно для всех всячески превозносил собственную роль в тайном движении, чего, повторим, не было на самом деле. Приговор поэтому был весьма суров – смертная казнь, которую все же заменили 20-летним заточением в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости (Гернет, 1961. С. 136).

Двадцать лет заключения очень тяжело дались Г.С. Батенькову. Из его записок о том периоде, видно, что он нередко впадал в отчаяние, искал силы в вере в Бога, ему казалось, что он познал Всевышнего и стал его посланником на Земле. Такие мысли сопровождались размышлениями о прошлом и будущем России и Сибири. Отбыв столь длинный срок, Батеньков был в 1846 г. сослан в Томск, где вел весьма скромный образ жизни. Он много читал, занимался точными науками, поддерживал оживленную переписку с друзьями.

После амнистии 1856 г. Г.С. Батеньков выехал из Сибири, однако тема сибирской ссылки по-прежнему занимала в его творчестве одно из главных мест. В 1857 г. он написал научное исследова-

ние под названием «Ссылка и ссыльные», хранящееся в Российской государственной библиотеки. Часть рукописи была введена в научный оборот Карцовым, весь же текст, по нашим данным, так и не был опубликован. Учитывая это обстоятельство, процитируем из данной статьи несколько особо интересных мест. При этом «Ссылка и ссыльные», на наш взгляд, если и содержит схожие с Уставами о ссыльных и этапах содержательные послы, то лишь в стремлении автора показать масштабы «штрафной колонизации» в заселении и освоении региона. В остальном – это два разных труда и очевидно, что «Ссылка и ссыльные» – результат многолетних обобщений автора на эту тему.

Как следует из рукописи, Г.С. Батеньков полагал, что для организации «ссылочного дела», как, впрочем, и всей пенитенциарной политики государства в России и в первую очередь в Сибири, необходим научно разработанный и теоретически обоснованный подход. «Устройство ссылки и ссыльных, – писал он, – составляет один из предметов первой важности в государстве. Во всех странах Западной Европы дело это остается в том же неустройстве, какое было оно во всех прежних веках и у всех народов. Я не имею под рукою ни одной специальной истории об этом, не говоря уже о том, что на русском языке и вовсе нет ее. В науке теоретической также нельзя найти никакого руководства, ибо она не сделала доселе в эту область ни одного шага». Все, что известно, – констатирует автор, – состоит из разных регламентаций, «не проникающих глубже обыкновенного внешнего распорядка» (Российская Государственная библиотека (РГБ). Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 1).

Отсутствие научного подхода в деле руководства «штрафной колонизацией» Сибири сказывается в первую очередь на самих уголовных ссыльных, так как со стороны «правосудия» за ними нет никакого контроля. По прибытии в Тобольск ссыльный оказывается «обнаженным» перед лицом местных властей, «не имея никаких готовых для себя прав», он «предается» в полное распоряжение правительства, «закон охраняет только его жизнь». При этом «новое приобретение прав на месте водворения законом не определено даже в тех случаях, когда с пользою может быть оно допускаемо особо...». Иными словами, считает Батеньков, законом не предусмотрено возвращение прав ссыльному, если

даже он вел себя «с пользою» для края и это неправильно, так как лишает преступника стимула к исправлению и выливается в «стремление к худшему» – в бродяжничество и побеги (РГБ. Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 5, 7).

Выход из создавшегося положения с обезличиванием ссыльных Г.С. Батеньков видит в установлении внутри их массы «лестницы», которая позволила бы учесть их индивидуальные качества, а главное, склонность и готовность к исправлению. При этом и расселение ссыльных по конкретным местам Сибири следует производить с учетом этих личных особенностей. «Для совершения разделения ссыльных, – считает автор, – надобно: во-первых, начать его, установив во времени известный пункт считать вновь поступающих особ, не смешивая их с прежде поступившими...», во-вторых, «для сих вновь поступающих отменить старое название поселенцев и посельщиков и ввести новое название ссыльных» (РГБ. Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 9, 11).

Обдумывая, каким образом «улучшить» систему ссылки, Г.С. Батеньков, будучи патриотом Сибири, идет в своих рассуждениях дальше и предлагает в рукописи кардинально решить «ссылный вопрос». «Установив ссылку в Сибирь, правительство имело в виду работу как наказание и заселение отдаленного пустынного края, никто никогда не думал наводнить ее извержением из метрополии и потом бросить». Однако нельзя и дальше превращать Сибирь в тюрьму, нужно сократить сибирскую ссылку до минимума, а подлинных уголовных преступников, – считает Батеньков, – приобретя большой участок в Австралии, ссылать туда, основав там «колониацию на началах отдаленной высылки за границу и держать оную в оседлом состоянии». «Правду сказать, такая мера, если б была удобоисполнима, была бы великим благодеянием для Сибири, которая глубоко чувствует потребность хоть в периодических отдыхах от непрерывного влияния стечения неустроенных масс», замедляющих ее развитие и «парализующих все добрые меры» (РГБ. Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 4).

Из рукописи видно, насколько Г.С. Батенькова волнует и беспокоит дальнейшая судьба обширного края. «Сибирь составляет ли ссылочное место? – спрашивает он, и отвечает: «По разнообразным и огромным богатствам, которые она в себе содержит, и по движению их в ней самой, по свойству казенного ее населения, ее промыслового, умственного и нравственного развития, значение ссылочного места отнюдь не может быть главным» (РГБ. Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 3).

Судьба Г.С. Батенькова – яркий пример подчас трагических взаимоотношений человека науки и российского государства. Будучи патриотом Сибири, Батеньков много сделал для дальнейшего исследования края. Пользуясь уважением Сперанского, он стремился на законодательном уровне решить многие «насуточные» вопросы Сибири, и, несмотря на более сдержанную позицию своего учителя, сумел добиться в этом определенных результатов. Именно Батеньков был автором семи из 10 законов, вошедших в «Сибирское учреждение» и значительно упорядочивших взаимоотношения Сибири и столицы, давших пусть ограниченное, но самоуправление народам края, упорядочивших ссылку и каторгу. Его отношения с М.М. Сперанским, как представителем власти, пример отношений уважительных и конструктивных. Но государство, не нуждаясь в либеральных проектах преобразования страны, по-прежнему оставалось на пути консервации старых традиционных ценностей.

И в заключение статьи совсем нелишним будет процитировать здесь высказывание Г.С. Батенькова о судьбе Сибири, о перспективах ее будущего социально-экономического развития. Подобно М.В. Ломоносову, Батеньков указывал: «Таким образом, Сибирь не только холодная, снежная, ссылочная страна, запертая Ледовитым морем, но распространилась и на юг в места, щедро облагодетельствованные природой, ожидая только соразмерного с естественными богатствами ее населения, чтобы довершить значение нового мира для русского народа и царства» (Батеньков, 2015b. С. 115).

Список источников

Батеньков Г.С. Сперанский и Аракчеев. // В кн.: Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма (1856–1863). Иркутск: Иркутский музей декабристов; Артидат, 2015a. С. 118–128.

References

Baten'kov G.S. (2015a) Speransky and Arakcheev. In the book: Works and letters. Vol. 2. Works. Letters (1856-1863). Irkutsk: Irkutsk Decembrist Museum; Artizdat. P. 118-128. (In Russ.).

Батеньков Г.С. Повести собственной жизни // В кн.: Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма (1856–1863). Иркутск : Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2015b. С. 91–118.

Батеньков Г.С. Опыт теории правительственных учреждений // В кн.: Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма (1856–1863). Иркутск : Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2015c. С. 208–214.

Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков. // В кн.: Г.С. Батеньков. Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 3–88.

Гарашенко А.Н., Иванов А.А. Александровский централ : Исторический очерк (первая половина XVIII в. – 1917 г.). Иркутск : Оттиск, 2024. 496 с.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. М. : Госюриздат, 1961. Т. 2 (1825–1870). 582 с.

Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. М.М. Сперанский в Иркутске. 1819–1822. Иркутск : Оттиск, 2016. 46, [1] с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 339 с.

Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск : Наука, 1965. 240 с.

Кодан С.В. Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. С. 24–40.

Кодан С.В. Ссылка и колонизация Сибири в 1820–1850-х годах (политико-правовой аспект) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1984. С. 15–24.

Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века: сб. науч. трудов. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1988. С. 114–123.

Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1973. 440 с.

Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М. : Лантерна; Вита, 1995. 207 с.

Обручев В.А. В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем. 1888–1955 / под общей ред. В.В. Обручева. Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1958. 296 с.

Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа : / пер. с польского. М. : Ладомир, 2002. С. 13–30.

Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский Архив. 1868. Вып. 11. Стб. 1681–1811.

Саломон А.П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб. : Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1900. [2], XII, 342, 53 с.

Baten'kov G.S. (2015b) Stories of his own life. Works and letters. Vol. 2. Works. Letters (1856-1863). Irkutsk: Irkutsk Decembrist Museum; Artizdat. P. 91-118. (In Russ.).

Baten'kov G.S. (2015c) Experience the theory of government institutions. Essays and letters. Vol. 2. Essays. Letters (1856-1863). Irkutsk: Irkutsk Museum of the Decembrists; Artizdat. P. 208-214. (In Russ.).

Bregman A.A. (1989) Decembrist Gavriil Stepanovich Batenkov. In the book: G.S. Batenkov. Essays and letters. Vol. 1. Letters (1813-1856). Irkutsk: Vost.-Sib. book. P. 3-88. (In Russ.).

Garashchenko A.N., Ivanov A.A. (2024) Aleksandrovsky Central: Historical essay (first half of the 18th century - 1917). Irkutsk: Ottisk. 496 p. (In Russ.).

Gernet M.N. (1961) History of the Tsar's Prison. In 5 Vol. Moscow: Gosyurizdat. Vol. 2. 1825-1870. 582 p. (In Russ.).

Dameshek I.L., Dameshek L.M. (2016) M.M. Speransky in Irkutsk. 1819-1822. Irkutsk: Ottisk. 47 p. (In Russ.).

Dameshek L.M., Dameshek I.L., Pertseva T.A. (2017) Siberian reforms of M.M. Speransky in 1822: experience of administrative regulation of interests of the center and the region. Irkutsk: Irkutsk State University. 339 p. (In Russ.).

Kartsov V.G. (1965) The Decembrist G.S. Batenkov. Novosibirsk: Nauka. 240 p. (In Russ.).

Kodan S.V. (1982) Charter on the Stages of 1822. *State and Legal Institutions of Autocracy in Siberia*. Collection of Scientific Papers. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 24-40. (In Russ.).

Kodan S.V. (1984) Exile and Colonization of Siberia in the 1820-1850s (Political and Legal Aspect). *Economic policy of tsarism in Siberia in the 19th - early 20th century*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 15-24. (In Russ.).

Kodan S.V. (1988) M.M. Speransky and the codification of Siberian legislation. *The policy of autocracy in Siberia in the 19th - early 20th century: collection of scientific works*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 114-123. (In Russ.).

Kolesnikov A.D. (1973) Russian population of Western Siberia in the 18th - early 19th century. Omsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd-vo. 440 p. (In Russ.).

Margolis A.D. (1995) Prison and exile in imperial Russia: research and archival finds. Moscow: Lanterna; Vita. 207 p. (In Russ.).

Obruchev V.A. (1958) In old Siberia: a collection of articles, memoirs, and letters. 1888-1955. Irkutsk: Irkutsk Book Publ. 296 p. (In Russ.).

Pilsudskii B. (2002) Poles in Siberia. *Siberia in History and Culture of Polish People*. (Russ. ed. : Polyaki v Sibiri. Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda. Moscow: Ladomir, 2002. P. 13-30).

Letters from M.M. Speransky to his daughter from Siberia. Russian Archive. 1868. Iss. 11. Stb. 1681-1811. (In Russ.).

Salomon A.P. (1900) Exile to Siberia. An outline of its history and current situation. For the Supremely Institutional Commission on Measures to Abolish Exile. St. Petersburg: Publ. of the St. Petersburg Prison. [2], XII, 342, 53 p. (In Russ.).

Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1881. VIII, 338, IV, [2] с.

Юшковский В.Д. Декабрист Г.С. Батеньков и его творческое наследие // В кн.: Г.С. Батеньков. Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма (1856–1863). Иркутск : Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2015. С. 3–88.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е. СПб.: Изд. И.М. Сибирикова, 1892. XII. 720 с.

Информация об авторах

Гольдфарб Станислав Иосифович,
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой массовых коммуникаций и мультимедиа факультета бизнес-коммуникаций и информатики,
Иркутский государственный университет
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, кабинет 211, Россия,
e-mail: bon-ventur@yandex.ru

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России исторического факультета,
Иркутский государственный университет,
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, кабинет 313, Россия,
e-mail: ottisk@irmail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4855-8412>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 октября 2024 г.; одобрена после рецензирования 5 ноября 2024 г.; принята к публикации 11 ноября 2024 г.

Foinitskii I.Ya. (1881) Exile in the West in its historical development and current state. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha VIII, 338, IV, [2] p. (In Russ.).

Yushkovskii V.D. (2015) Decembrist G.S. Batenkov and his creative heritage. Batenkov G.S. Works and letters. Vol. 2. The publication was prepared by A.A. Bregman and V.D. Yushkovsky. Irkutsk: Irkutsk Decembrist Museum; Artizdat. P. 3-88. (In Russ.).

Yadrintsev N.M.(1892) Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical respects. St. Petersburg: Publishing House of I.M. Sibiryakov. XII .720 p. (In Russ.).

Information about the authors

Stanislav I. Goldfarb,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Mass Communications and Multimedia, Faculty of Business Communications and Informatics,
Irkutsk State University,
Office 211, 2, Chkalov St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: bon-ventur@yandex.ru

Alexander A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Faculty of History,
Irkutsk State University,
Office 313, 2, Chkalov St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: ottisk@irmail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4855-8412>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 6, 2024; approved after reviewing November 5, 2024; accepted for publication November 11, 2024.